

КНИГА ОДИНАДЦАТАЯ.

Въ заключеніе, блаж. Августинъ, послѣ исповѣди своей, доведенной имъ до своего обращенія и крещенія, имѣя въ виду постоянно славу Божию, какъ бы въ засвидѣтельство-ваніе какъ собственнаго безсилія, такъ свыше дарованнаго ему прощенья въ познаніи священнаго Писанія, или той любви, съ какою онъ преданъ былъ этому Писанію, по дару божественному и священному дому своему, пытается въ послѣднихъ трехъ книгахъ (XI—XIII) изъяснить начальныя слова бытописателя о міротвореніи: въ началѣ сотвори Богъ небо и землю..... до словъ: и почи въ день седмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ. И въ этой книгѣ прежде всего объясняетъ слова: въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Здѣсь встрѣчается онъ съ богохульствующими противниками, которые возражаютъ: что же дѣлалъ Богъ прежде нежели сотворилъ небо и землю? и откуда пришло Ему на мысль творить то, чего не творилъ прежде? Занимаясь опроверженіемъ ихъ возраженій, блаж. Августинъ самъ вдается въ пространное и утонченное разсужденіе о времени ¹⁾.

ГЛАВА 1.

Неужели Ты, Господи, обладая вѣчностію, Тебѣ одному свойственной, не имѣющей ни начала ни конца, но всегда

¹⁾ Исповѣдь свою блаж. Августинъ довелъ до времени своего обращенія и крещенія, и закончилъ ее предидущей (X) книгой. Ясно, что онъ имѣлъ въ

сущюю, не вѣдаешь того, что я Тебѣ сказываю, или на время только видишь то, что совершается во времени? Для чего же я рассказываю Тебѣ о столь многих предметахъ? Конечно не для того, чтобы Ты чрезъ меня узналъ ихъ; но для возбужденія любви къ Тебѣ въ себѣ, а равно и въ тѣхъ, которые будутъ читать эти строки,—чтобы всѣмъ намъ взывать: *велии Господь и хваленъ зѣло, и величію Его нѣсть конца* (Псал. 144, 3)! Я сказалъ уже и еще скажу: изъ любви къ любви Твоей я дѣлаю это. И въ самомъ дѣлѣ! Мы не перестаемъ же молиться, хотя сама Истина ясно говоритъ намъ: *знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду, прежде вашего прошенія у Него* (Матѣ. 6, 8). Слѣдовательно, исповѣдуя предъ Тобою всю глубину бѣдствій нашихъ и всю высоту милосердія Твоего къ намъ, мы заявляемъ этимъ любовь нашу къ Тебѣ, чтобы Ты довершилъ начатое Тобою дѣло избавле-

виду исповѣдать предъ Богомъ и людьми съ одной стороны о своихъ человѣческихъ слабостяхъ и милосердіи Божіемъ и оставить навсегда въ этой исповѣди памятникъ души кающейся и благодарной, а съ другой заявить на себѣ поразительный примѣръ неизмѣнной правды и благодати Божіей. «И добродѣтельные люди (говоритъ самъ Августинъ въ 3 главѣ предыдущей X книги), которые проводили прежде жизнь порочную, а потомъ покаались и обратились на путь правый, не безъ радости воспоминаютъ о прошедшей жизни; но радость ихъ происходитъ не отъ того, что они жили когда-то порочно, а отъ того, что они изъ порочныхъ сдѣлались добродѣтельными. Вотъ въ чемъ состоитъ плодъ исповѣди моей (продолжаетъ онъ далѣе въ слѣдующей главѣ той же книги): не въ томъ, каковъ я былъ прежде, но въ томъ, каковъ я теперь—исповѣдать это не только предъ Тобою въ тайнѣ... но и открыто предъ вѣрующими сынами человеческими, соучастниками въ радости моей и сообщниками въ смертности моей, согражданами и соутниками моими въ жизни сей, и прежде меня бывшими и послѣ меня имѣющими быть... рабами Твоими и братьями моими, которыхъ Ты благоволилъ усыновить Себѣ, на служеніе коимъ поставилъ Ты меня..... возвѣщу же имъ, тѣмъ, коимъ Ты заповѣдалъ мнѣ служить, возвѣщу имъ не о томъ, каковъ я былъ въ прошедшемъ моемъ, но—каковъ я есмь въ настоящемъ моемъ, и чего ожидаю въ будущемъ, имѣя въ виду не себя только, но и собратьевъ своихъ; не буду впрочемъ судить о себѣ самъ: итакъ пусть послушаютъ меня». А въ

нія нашего, такъ-чтобы намъ выйти наконецъ изъ несчастнаго положенія своего и содѣлаться блаженными въ Тебѣ; ибо Ты призвалъ насъ быть нищими духомъ, и кроткими, и плачущими, и алчущими и жаждущими правды, и милостивыми, и чистыми сердцемъ, и миротворцами (Матѳ. 5, 3—9). Вотъ какъ много наговорилъ я Тебѣ, что могъ и чего пожелалъ; потому-что Ты прежде благоизволилъ, чтобы мы испосадились Тебѣ Господу Богу нашему, яко блазъ Ты, яко въ вѣкъ милость Твоя (Псал. 117, 1).

ГЛАВА 2.

Но достанетъ ли у меня силъ и времени языкомъ подобнымъ трости книжника скорописца (Псал. 44, 2) возвѣстить всѣ совѣты Твои, и всѣ угрозы Твои, и утѣшенія, и тѣ пути, которыми Ты привелъ меня на столь великое дѣло—пропо-

236 письмо своею къ Дарію Комиту, просившему Августина прислать ему книги своей Исповѣди, онъ такъ между прочимъ выразился. «Прими книги Исповѣди моей, о которой ты просилъ меня. По нимъ суди обо мнѣ, не восписывая мнѣ похвалъ выше надлежащаго; мнѣ въ нихъ лѣзь, а не другимъ, обо мнѣ; разсмотри въ нихъ внимательно меня, и присмотришь, что я былъ въ себѣ самъ по себѣ. Если же что поправится тебѣ во мнѣ, при чтеніи ихъ, то прославь вмѣстѣ со мною Того, Кого я желалъ прославить, но отнюдь не восхваляй меня: яко Господь Той есть Богъ нашъ, Той сотвори насъ, а не мы сами себя (Псал. 99, 3); мы же только паденіемъ своимъ погубили себя. Но—Кто сотворилъ насъ, Тотъ и надшихъ насъ возстановилъ. И если ты найдешь меня въ числѣ возставшихъ; то молись за меня, чтобы мнѣ никогда уже не отпадать, а болѣе и болѣе возвышаться и усовершенаться». Другой половинѣ жизни своей, и при томъ значительно многоплоднѣйшей, онъ вовсе не касается, да и не имѣлъ этого въ виду. Исповѣдь прилична грѣшнику, а не праведнику. Итакъ, окончивъ свою исповѣдь, которую писалъ около 400 г. по Р. Х., слѣд. по истеченіи болѣе 12 лѣтъ послѣ своего обращенія и крещенія, въ началѣ своего епископства, за 30 лѣтъ до своей кончины, Августинъ, какъ бы въ заключеніе ея, приступилъ къ выполненію пастырской обязанности своей, состоящей главнымъ образомъ въ проповѣди и изъясненіи слова Божія, присовокупилъ къ этой Исповѣди, въ послѣднихъ трехъ книгахъ (XI—XIII), опытъ изъясненія первоначальныхъ словъ Библіи, изъ книги Бытія о міротвореніи, выдерживая и здѣсь тотъ же характеръ Исповѣди.

*

1

цѣломудренны, чисты и непорочны любимыя занятія мои писаніями Твоими; да не погрѣшу въ нихъ и самъ я, и другихъ да не введу въ заблужденіе своими ошибками. Внемли душѣ моей и услышь изъ глубины ея вопль мой къ Тебѣ, Господи Боже мой, свѣте, отверзающій очи слѣпымъ, и крѣпосте, воздвигающая немощныхъ, чтобы вслѣдъ за тѣмъ содѣлаться для нихъ свѣтомъ видящихъ и крѣпостію сильныхъ. Ибо если Ты и въ этомъ состояніи нашемъ отворишь отъ насъ слухъ свой, то къ кому обратимся? къ кому воззовемъ о помощи? *Твой есть день, и Твоя есть ночь* (Псал. 73, 16); *времена и мѣста—во власти Твоей* (Дѣян. 1, 7). Удѣли же мнѣ благопотребнаго времени столько, сколько необходимо его на размышленіе о сокровенныхъ путяхъ закона Твоего, и не затворяй вратъ предъ толкующими любителями истины. Не напрасно же благоугодно было Тебѣ допустить въ законъ Твоемъ столько таинственныхъ мѣстъ, которыя можно уподобить дремучимъ дубравамъ: и эти дубравы не имѣютъ ли своихъ ланей, укрывающихся въ нихъ, гуляющихъ и пасущихся на этихъ пажитяхъ, отдыхающихъ и пережѣвывающихъ принятую ими пищу? О Господи, проводи же меня по этимъ сокровеннымъ мѣстамъ, и даруй мнѣ уразумѣть ихъ: ибо слово Твое есть радѣваніе сердца моего; оно для меня превыше всѣхъ удовольствій. Не откажи мнѣ въ томъ, что я такъ люблю; ибо я люблю, и любовь эта есть Твой даръ. Не оставь своихъ даровъ безплодными, и не отринь алчущаго и жаждущаго у Тебя злака Твоего и росы Твоей. Я же исповѣмъ предъ Тобою все, что обрѣту въ книгахъ Твоихъ, *егда услышати ми гласъ хвалы Твоея*, погружаясь въ неисчерпаемое познаніе Тебя, *и повѣдаши чудеса Твоя* (Псал. 25, 7) въ законъ Твоемъ, отъ начала, когда Ты сотворилъ небо и землю, до преддверія нескончаемаго царствія съ Тобою во святомъ градѣ Твоемъ.

вѣдать слово Твое и благовѣстити тайны домостроительства Твоего людямъ увѣровавшимъ въ Тебя? И если я въ состояніи буду исполнить возложенный на меня долгъ, по званію своему; то тѣ драгоцѣнныя минуты, которыя употреблю я на это дѣло, будутъ служить наилучшимъ выраженіемъ любви моей къ Тебѣ. И я издавна горю желаніемъ размышлять о законѣ Твоемъ ¹⁾ и поучаться въ немъ, исповѣдывая предъ Тобою свое въ немъ вѣдѣніе и невѣдѣніе и не скрывая отъ другихъ начатковъ Твоего просвѣщенія и остатковъ моего помраченія, доколѣ мой мракъ не освѣтится свѣтомъ Твоимъ и слабость моя не утвердится Твоею крѣпостію; тѣмъ болѣе теперь не стану употреблять на что-нибудь другое часовъ, остающихся у меня досужными отъ необходимыхъ заботъ о поддержаніи силъ тѣла и духа, отъ исполненія общественныхъ обязанностей, лежащихъ на каждомъ изъ насъ, и взаимныхъ услугъ, хотя не обязательныхъ, но обычныхъ въ обществѣ.

Господи Боже мой! умилосердись надо мною, *услыши молитву мою, возми гласу моленія моего* (Псал. 4, 2. 5, 3): ибо желанія сердца моего я не однимъ собою ограничиваю, но по той же любви хочу быть полезнымъ и для братій моихъ; и Ты видишь, что это дѣйствительно такъ. Пожру же Тебѣ жертву служенія и умомъ и словомъ своимъ, и Ты даруй мнѣ принести Тебѣ эту жертву, *яко нищъ и убогъ есмь азъ* (Псал. 85, 1), Ты же *богатый во всѣхъ призывающихъ Тебя* (Рим. 10, 12), промышляющій о созданіи своемъ безъ возмущенія собственнаго покоя. Огради отъ всякаго заблужденія и всякой лжи и умъ мой и языкъ мой. Да будутъ

¹⁾ Здѣсь и въ послѣдующихъ за тѣмъ мѣстахъ ~~идутъ~~ *словами*: законъ Твой (*lex tua*), писанія Твоя (*scripturae tuae*), ~~слова~~ *слова* Твоя (*sermones tui*, *vox tua*), книги Твоя (*libri tui*), ~~блаж. Августина~~, конечно, разумѣть вообще священное Писаніе.

Владыко и Господи, сжался надо мною и внемли гласу желаній моихъ. Тебѣ извѣстно, и я увѣренъ въ томъ, что желанія мои проистекають не отъ земныхъ побужденій: ни злато, ни серебро, ни камни драгоцѣнные, ни пышность одеждъ, ни почести и властолюбіе, ни удовольствія плоти, ни безчисленность нуждъ, о которыхъ вопіетъ тѣло наше, во все продолженіе земнаго странствованія нашего,—и ничто подобное не составляетъ предмета желаній моихъ; ибо *все это прилагается намъ, ежели только мы ищемъ царствія Божія и правды Твоей* (Матѣ. 6, 33). Виждь же, Господи, Боже мой, откуда проистекають желанія мои. *Повѣдаша мнѣ законопреступницы глумленія* (delectationes удовольствія), *но не яко законъ Твой, Господи* (Псал. 118, 85). Вотъ откуда истекають желанія мои. Призри и виждь, Отецъ мой небесный, и одобри ихъ; и Ты соблаговолишь, по своему милосердію, даровать мнѣ благодать свою, и я обрящу ее у Тебя, чтобы врата святилища словесъ Твоихъ, содержащихся во святыхъ писменахъ Твоихъ, отверзлись для меня, толкущаго въ нихъ. Умоляю Тебя о семъ именемъ Господа нашего Іисуса Христа Сына Твоего, *Мужа десницы Твоей* (Псал. 79, 18), Сына человѣческаго, этого *Посредника между Богомъ и людьми* (1 Тим. 2, 5), чрезъ Котораго Ты обрѣлъ насъ, не искавшихъ Тебя, обрѣлъ, чтобы мы затѣмъ обрѣли Тебя; умоляю именемъ Слова Твоего, Имже Ты сотворилъ все (Іоан. 1, 3), а въ заключеніе и насъ; именемъ едиnorodнаго Твоего, чрезъ Котораго Ты усыновилъ Себѣ вѣрующихъ въ Тебя (Рим. 8, 14—16), а въ томъ числѣ и меня,—умоляю Тебя именемъ Того, Который возсѣдаетъ одесную Тебя (Мар. 16, 19; Псал. 109, 1) и ходатайствуетъ за насъ предъ Тобою, въ Немже сокрыты всѣ сокровища премудрости и разума (Кол. 2, 3). Его-то я ищу въ книгахъ Твоихъ. Моисей и пророки писали о Немъ. Объ этомъ Онъ Самъ гово-

рять: о *Мнѣ бо тоя* (Моисей) писа, и предъ тѣмъ: *изсмыдуйте писанія...* а онъ свидѣтельствуе о *Мнѣ* (Іоан. 5, 39. 46); и Его слова суть слова самой Истины.

ГЛАВА 3.

Итакъ, даруй мнѣ слухъ и смыслъ, Господи мой и Боже мой, чтобы я могъ уразумѣть, какимъ образомъ въ началѣ сотворилъ Ты небо и землю (Быт. 1, 1). Моисей оставилъ намъ описаніе этого міротворенія; но послѣ того отошелъ отъ насъ и переселился отсель отъ Тебя къ Тебѣ же ¹⁾, и его нѣтъ болѣе съ нами. О! еслибы онъ былъ здѣсь со мною, то я обратился бы къ нему, просилъ бы его, умолялъ бы его именемъ Твоимъ, чтобы онъ раскрылъ и разъяснилъ мнѣ эту тайну; я весь обратился бы въ слухъ и съ жадностію внималъ бы исходящимъ изъ устъ его словамъ. И однакоже если бы онъ заговорилъ ко мнѣ по-еврейски, то напрасно затрогивалъ бы мой слухъ и нисколько этимъ не возбудилъ бы моего мышленія: а если бы сталъ говорить по-латини, то я понималъ бы его и зналъ бы содержаніе рѣчи. Но почему зналъ бы я, дѣйствительно ли въ словахъ его заключается истина? А если и это узналъ бы, то отъ него ли узналъ бы? Конечно, нѣтъ! Самая истина, во глубинѣ души сокровенная, не нуждающаяся ни въ органѣ языка, ни въ самомъ языкѣ, ни еврейскомъ, ни греческомъ, ни латинскомъ, ни въ какомъ-либо иномъ варварскомъ, самая истина, въ мышленіи моемъ

¹⁾ Transivit hinc a te ad te. Въ некоторыхъ изданіяхъ нѣтъ словъ *a te* отъ Тебя, и, казалось бы, это вѣрнѣе. Но во всѣхъ почти рукописяхъ, по замѣчанію Бенедиктинцевъ и самого Минея (у котораго было подъ руками болѣе манускриптовъ), эти слова имѣются, и не напрасно. Быть можетъ, у Августина была здѣсь мысль выразить этимъ вездѣшнее Божіе, какъ бы говоря, что Моисей переселился отъ Бога, съ этой земли, къ Богу же, на небо, которое мы своеобразно (по человѣчески) представляемъ осмѣищемъ Божіимъ (Псал. 32, 13—15) по преимуществу.

доброты, ни бытія въ такой полнотѣ, въ какой все это обрѣтается въ Тебѣ Творцѣ ихъ, такъ-что въ сравненіи съ Тобою онѣ суть только отблескъ или отраженіе Твоихъ совершенствъ. Мы постигаемъ это и благодаримъ Тебя за это. И при всемъ томъ знаніе наше въ сравненіи съ Твоимъ знаніемъ есть невѣдѣніе.

ГЛАВА 5.

Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю (Быт. 1, 1). Какъ же Ты сотворилъ ихъ? и какія средства, какія приготовленія, какой механизмъ употребилъ Ты для этого громад-наго дѣла? Конечно, Ты дѣйствовалъ не какъ человѣкъ-художникъ, который образуетъ какую-нибудь вещь изъ вещи же (тѣло изъ тѣла), по своему разумѣнію, имѣя возможность дать ей такую форму, какую указываютъ ему соображенія его ума. Ибо откуда душа этого художника могла получить такую способность, какъ не отъ Тебя, сотворившаго ее? Притомъ, онъ даетъ форму матеріи уже существующей, чтобы произвести изъ ней другую вещь, по своему усмотрѣнію; для сего онъ употребляетъ то землю, то камень, то дерево, то золото и другіе тому подобныя предметы. Откуда же и эти предметы получили бы свое бытіе, если бы Ты не сотворилъ ихъ? Этотъ художникъ-человѣкъ всѣмъ обязанъ Тебѣ: Ты устроилъ его тѣло такъ, что оно посредствомъ разныхъ членовъ совершаетъ разныя дѣйствія, а чтобы эти члены были способны къ дѣятельности, Ты *вдунулъ* въ тѣлесный составъ его *душу живу* (Быт. 2, 7), которая движетъ и управляетъ ими; Ты доставилъ ему и матеріалъ для художественныхъ работъ; Ты даровалъ ему и способность ума, чтобы постигать тайны искусства и напередъ обнимать мыслію то, что предполагаетъ онъ произвести; Ты же надѣлилъ его и тѣлесными чувствами, которыя служатъ ему проводникомъ между тѣлесною и духовною его природою, такъ-что міръ тѣлесный и міръ духовный

живущая (in domicilio cogitationis), безъ звука волоса, увѣрила бы меня, что онъ говорить истину; и я, нисколько не колеблясь, повѣрилъ бы словамъ этого человѣка, *деижимага Духомъ Твоимъ* (2 Пет. 1, 21), говоря самъ себѣ: *правду онъ говоритъ*. Но такъ-какъ я не могу попросить у Моисея уясненія тайны міротворенія, исторію котораго оставилъ онъ намъ; то обращаюсь къ Тебѣ, высочайшая Истина, къ Тебѣ Господу Богу моему, *просвѣтившему* Моисея и вразумившему его передать намъ въ писаніи эти *малои*, коихъ мы не въ состояніи разрѣшить сами собою, такъ-какъ *всяко пророчество книжное по своему сказанію не бываетъ* (тамъ же 1, 20),—къ Тебѣ обращаюсь и Тебя умоляю, пощади меня грѣшника: Моисею, вѣрному рабу Твоему, даровалъ Ты благодать—описать міротвореніе, а мнѣ окажи милость—уразумѣть это бытописаніе.

Г л а в а 4.

Мы видимъ, что небо и земля существуютъ: онѣ сами за себя громко проповѣдуютъ, что сотворены; потому-что подлежатъ перемѣнамъ. А то, что существуетъ, не будучи сотворено, не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ постоянного и неизмѣннаго, потому-что въ области не сотвореннаго ничто не можетъ ни прибавиться, ни убавиться, ни измѣниться. Онѣ свидѣлствуютъ также, что и сами себя не сотворили и не могли сотворить: «Мы *существуемъ*, говорятъ онѣ намъ, потому-что *сотворены*. Насъ не было до нашего бытія. Какъ же мы могли сами себя сотворить?» И голосъ ихъ есть очевидная истина. Итакъ Ты, Господи, *сотворилъ* ихъ и далъ имъ бытіе. Онѣ прекрасны, потому-что Ты Самъ красота; онѣ *добры злы* (Быт. 1, 31), потому-что Ты Самъ *благость* (Матѣ. 19, 17); онѣ *существуютъ*, потому-что Ты—Сынъ (Исх. 8, 14; Апок. 1, 8). Но въ нихъ нѣтъ ни красоты, ни

6. 9. 11. 14. 15. 20. 24. 26. 27. 30);—и Ты Словомъ Своимъ все сотворилъ (Юан. 1, 3).

ГЛАВА 6.

Но въ чемъ состояло это Слово Твое, коимъ Ты творилъ міръ, въ чемъ оно выражалось? Неужели оно походило на голосъ, слышанный нѣкогда съ неба: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое блаволеніе* (Матѳ. 3, 17. 17, 5)? Не думаю! Этотъ голосъ похожъ былъ на голосъ обыкновенной рѣчи нашей,—голосъ преходящій, имѣющій начало и конецъ. Звуки складовъ Его также преемственно появлялись и исчезали, одинъ за другимъ, второй за первымъ, третій за вторымъ, и такъ далѣе до послѣдняго, смѣненнаго молчаніемъ и тишиною. Ясно, что этотъ голосъ былъ временнымъ дѣйствіемъ твари, служившей для выполненія вѣчной воли Твоей. И эти на время раздавшіяся слова Твои передавались посредствомъ слуха внѣшняго (тѣлеснаго) душѣ разумной, которой слухъ внутренній (духовный) воспринималъ ихъ, относя къ вѣчному Слову Твоему. Сравнивая эти слова, временно звучавшія, съ вѣчнымъ заключеннымъ въ безмолвной тишинѣ Словомъ Твоимъ (*sumæterno in silentio verbo tuo*), душа такъ разсуждала: «нѣтъ, эти слова и Слово Твое—не одно и то же; между ними безконечное различіе. Тѣ слова далеко ниже меня; ихъ даже нельзя назвать существующими, потому-что онѣ такъ мимолетны, что тутъ же исчезаютъ (*fugiant et pereant*): Слово же Господа моего безпредѣльно выше меня, и пребываетъ во вѣки». Итакъ, если актъ міротворенія совершался чрезъ средство слова членораздѣльнаго, требующаго и голоса для произношенія и времени для послѣдовательной передачи звуковъ, и такимъ образомъ творилъ Ты небо и землю; то значить еще до появленія неба и земли должно было уже существовать какое нибудь подобное тво-

находятся у него при посредствѣ этихъ чувствъ въ общеніи—душа въ своихъ дѣйствіяхъ сносится съ тѣломъ для выполненія ихъ, а тѣло въ своихъ дѣйствіяхъ сносится съ душою для повѣрки и оцѣнки присущею ей истиною, хорошо ли послѣдовало выполненіе. Все это свидѣтельствуешь, что Ты Творецъ всего. Но какъ Ты творишь все это? какъ сотворилъ Ты, всемогущій Боже, небо и землю? Конечно, не на небѣ и не на землѣ творилъ Ты небо и землю; ни въ воздушныхъ странахъ, ни въ глубинахъ морскихъ, потому-что и воздухъ и вода принадлежать къ небу и землѣ; не могло это совершиться нигдѣ и въ цѣломъ мірѣ, чтобы міръ творился въ мірѣ, потому-что міра не было до сотворенія его, и онъ никакъ не могъ быть поприщемъ своего творенія (*quia non erat ubi fieret antequam fieret*). Не было ли у Тебя подъ руками какой-нибудь матеріи, изъ которой могъ Ты сотворить небо и землю? Но откуда взялась бы эта матерія, не созданная Тобою, а между тѣмъ послужившая матеріаломъ для Твоего творчества? Допущеніемъ такой матеріи неизбѣжно ограничивалось бы Твое всемогущество ¹⁾. А если Ты Самъ предварительно сотворилъ для этого матерію; то мы должны допустить одно изъ двухъ: или, что эта матерія произведена Тобою изъ чего-нибудь прежде даннаго, что также не согласно съ всемогуществомъ Твоимъ; или, что Ты сотворилъ эту матерію, или же просто безъ нея—небо и землю, изъ ничего, по одному всемогуществу своему. Что же выходитъ изъ этого, какъ не то, что до творенія Твоего ничего не было, кромѣ Тебя, и что все *существующее* зависитъ отъ Твоего бытія? Итакъ словомъ *Господнимъ* и небо и земля утвердишася, и духомъ устъ *Его* вся сила ихъ: яко *Той* рече, и быша; *Той* повелъ, и создашася (Псал. 32, 6—9; Быт. 1, 3.

¹⁾ Слѣд. книг. VII, глава 5.

Ты этимъ Словомъ изъ не-бытія въ бытіе, такъ-что одно Слово Твое достаточно для міротворенія, хотя всѣ творенія Твои, создаваемые такимъ образомъ, являются не вдругъ, а постепенно, и не отъ вѣчности, а во времени.

Г л а в а 8.

Какъ же это такъ, скажи мнѣ, умоляю Тебя, Господи Боже мой? Кажется и ясно; но выразить это не нахожу словъ. Одно только могу сказать: что всё, что начинается и перестаетъ существовать, тогда начинается и перестаетъ существовать, когда это нужно по опредѣленіямъ Ума вѣчнаго, которому нѣтъ ни начала ни конца. Этотъ-то Умъ и есть Слово Твое ¹⁾; Оно-то и *Начатокъ* всего, *яко и начало намъ* (Іоан. 8, 25). Слово это воплотившись благовѣствуетъ намъ въ евангеліи; Его ученіе было доступно и для вѣншихъ чувствъ человѣка; Имъ всѣ призывались увѣровать въ Него, взыскать Его внутри самихъ себя, и обрѣсти Его въ лицѣ вѣчной Истины, которой Единъ Онъ благій Учитель учить всѣхъ учениковъ своихъ. Въ этомъ Словѣ слышу я гласъ Твой, Господи, вѣщающій мнѣ, что «того только слова относятся къ намъ, кто назидаетъ насъ; а кто не назидаетъ насъ, того слова къ намъ не относятся, сколько бы ни говорили». Кто же болѣе можетъ насъ назидать, какъ не Истина непреложная? И если мы отъ твореній міра видимаго восходимъ къ не видимому и отъ подлежащаго измѣненіямъ—къ истинѣ непреложной, то *стоя*, такъ сказать, предъ Истиною воплощенною и *анимая* ей, мы учимся у самаго источника истины, и радостію радуемся, слыша голосъ Жениха, какъ дружи Его

¹⁾ Ipsum est Verbum tuum, quod et Principium (начало, основаніе) est. Здѣсь слово ipse соотвѣшено съ словомъ verbum, по свойству латинскаго языка; между тѣмъ оно относится по тексту къ предъидущему слову ratio умъ, и смыслъ нѣбось такой же, какой греки придаютъ своему λόγος.

решіе, посредствомъ котораго могло быть выражаемо такое слово. Но до сотворенія неба и земли не было никакой твари; а если бы и было что-нибудь подобное, то конечно не при помощи мимолетнаго слова Ты создалъ бы мимолетное слово, чрезъ посредство котораго повелѣвалъ бы быть небу и землѣ; и это ни отъ кого не могло произойти, какъ только отъ Тебя. Что же это было за слово Твое,—опять выступаю невольно съ тѣмъ же вопросомъ,—что это было за слово, долженствовавшее служить органомъ высочайшей воли Твоей, когда творилъ Ты эту тварь?

ГЛАВА 7.

Словами бытописателя о міротвореніи и размышленіемъ о нихъ Ты призываешь насъ къ уразумѣнію Того неизреченнаго Слова Твоего, Которое искони обитаетъ въ Тебѣ Богъ и Само есть Богъ (Іоан. 1, 1), Тобою отъ вѣчности изрекаемое, Имже и все отъ вѣчности изрекается (тамже 3), въ Которомъ нѣтъ никакой преемственности, нѣтъ ни начала ни конца, а все вмѣстѣ и всегда; иначе въ Божествѣ допустимъ время и перемѣну, на мѣсто присущей Ему вѣчности и неизмѣняемости. Я постигаю это, Боже мой, постигаю и благодарю Тебя; и всякъ, кто не закрываетъ очей своихъ отъ свѣта непреложной истины, уразумѣетъ и возблагодаритъ Тебя. Видимъ, Господи, видимъ и вѣдаемъ, что всякій переходъ отъ бытія къ не-бытію есть исчезновеніе (смерть) того, что было, и переходъ отъ не-бытія къ бытію есть появленіе (рожденіе) того, чего не было. Но въ Твоемъ Словѣ нѣтъ подобнаго переходенія, нѣтъ ни исчезновенія (смерти), ни появленія (рожденія); потому-что Оно вѣчно. И потому посредствомъ Слова Своего, которое Тебѣ совѣчно, все, что Ты ни изрекаешь, изрекаешь въ одинъ и вѣчный моментъ (*simul et sempiternae*), и все приемлетъ бытіе, что вызываешь

(Иоан. 3, 29), возвращаясь къ вѣчному началу, откуда мы и произошли. И это вѣчное, неизмѣнное и непреложное *Начало* и есть Слово Твое, безъ котораго мы, какъ безъ путеводной звѣзды, заблудившись, не могли бы возвратиться къ своему началу. Возвращаемся же отъ заблужденій мы не иначе, какъ чрезъ познаніе истины; а чтобы намъ познать эту истину непреложную, этотъ Учитель учить насъ ей, какъ Начало истины и Слово истины.

Г л а в а 9.

Въ семъ-то *Началѣ* сотворилъ Ты, Боже, небо и землю, дивнымъ образомъ говоря и дѣйствуя: и это *Начало* есть Слово Твое, Сынъ Твой, Твоя крѣпость, Твоя премудрость, Твоя истина. О! кто въ состояніи постигнуть высоту этого творенія? и чей языкъ можетъ высказать его? Что же это за сила поражаетъ мой умъ и потрясаетъ мое сердце, безъ боли, такъ что я прихожу въ трепетъ и стремлюсь къ ней неудержимо? Прихожу въ трепетъ, сознавая, какъ я далекъ отъ нея; стремлюсь неудержимо, видя въ себѣ отблескъ и образъ этой силы, поражающей и потрясающей меня? Это премудрость, да, это сама премудрость озаряетъ меня, разгоняя тьму, каждый разъ облегающую меня, когда я удаляюсь отъ этого свѣта; въ этомъ состояніи нищеты силы мои такъ изнемогаютъ, что я не могу соблюсти собственнаго блага, доколѣ Ты, Господи, многомилостивый ко всѣмъ неправдамъ моимъ, Самъ не исцѣлишь немощей моихъ. И Ты избавишь отъ истлѣнія животъ мой, увѣнчаешь меня милостію и щедротами, исполнишь во благихъ желаніе мое; тогда обновится юность моя, яко юность орля (Псал. 102, 3—5): *упованіемъ бо спасаемся, и, надѣясь на обѣтованія Твоя, въ терпѣніи ожидаемъ исполненія ихъ* (Рим. 8, 24. 25). Имѣя уши слышати, да слышать Твой гласъ, внутри насъ воиющій; я же, *внимая*

Твоему пророческому слову (2 Пет. 1, 19), его же словами воззову: какъ величественны дѣла Твоя, Господи; вся премудростію сотворилъ еси (Псал. 103, 24)! И эта Премудрость есть Начало, и въ этомъ—Начатъ сотворилъ Ты небо и землю.

ГЛАВА 10.

Итакъ, не слишкомъ ли уже заняты древностію своего происхожденія тѣ, которые говорятъ намъ: «что же дѣлалъ Богъ до сотворенія Имъ неба и земли? Если Онъ оставался въ праздности и совершенномъ покоѣ; то почему не остался въ такомъ же состояніи и навсегда? Если же въ Богѣ произошло новое какое-либо движеніе и новое произволеніе создать то, чего прежде не творилъ; то какъ согласить съ непреложною Его вѣчностію появленіе этой воли, которой до того времени въ Немъ не было? Воля Божія присуща Богу и предваряетъ всякое твореніе; никакого творенія не могло бы быть, если бы не предшествовала воля Творца. Воля Божія принадлежитъ къ самой сущности (substantia) божественной. А допустивъ въ субстанціи Божіей что-нибудь случайно-привходящее, чего прежде не было, нельзя назвать ее въ истинномъ смыслѣ вѣчною субстанціею. Если же наконецъ была отъ вѣчности воля Божія сотворить небо и землю; то отчего же твореніе Его не вѣчно?»

ГЛАВА 11.

Какъ же далеки они еще отъ истины! Говорящіе такъ не постигаютъ Тебя, Премудрости Божественной, озаряющей свѣтомъ своимъ сотворенные ею умы; они не понимаютъ, какъ дѣла Твои совершаются въ Тебѣ и чрезъ Тебя, а между тѣмъ сѣются постигнуть непостижимое, мудрствуя о вѣчномъ. Но ихъ душа, вляясь среди измѣняющейся преемственности вещей между прошедшимъ и будущимъ, теряется въ сует-

ности своихъ помысловъ. И кто можетъ поставить себя хотя на минуту въ такое состояніе, чтобы проникнуться всеобъемлющею свѣтлостію этой неизмѣняющейся вѣчности (*semper stantis aeternitatis*) и сравнить ее съ временами, не имѣющими никакого постоянства (*cum temporibus nunquam stantibus*), коихъ отблескъ есть не что иное, какъ перемежающееся и непрестанно измѣняющееся мерцаніе, а затѣмъ видѣть, какое безконечное различіе между временемъ и вѣчностію? Продолжительность времени не иначе составляется, какъ изъ преемственной послѣдовательности различныхъ мгновеній, которыя не могутъ проходить совмѣстно: въ вѣчности же напротивъ нѣтъ подобнаго прохожденія, а все сосредоточивается въ настоящемъ какъ бы на лицо; тогда какъ никакое время въ цѣломъ его составѣ нельзя назвать настоящимъ. Все прошедшее наше слагается изъ будущаго, и все будущее наше зависитъ отъ прошедшаго; все же прошедшее и все будущее творится изъ настоящаго, всегда сущаго, для котораго нѣтъ ни прошедшаго ни будущаго, что мы называемъ вѣчностію. И кто въ состояніи уразумѣть и истолковать, какъ вѣчность (*aeternitas*) неизмѣнно пребывающая въ настоящемъ (*stans*), для которой нѣтъ ни будущаго ни прошедшаго (*nes futura nes praeterita*), творитъ между тѣмъ времена и будущія и прошедшія? Неужели мое перо или мой языкъ въ силахъ слабымъ словомъ разрѣшить эту великую задачу?

Г л а в а 12.

Какой же мнѣ дать отвѣтъ вопрошающимъ меня «что дѣлалъ Богъ прежде сотворенія Имъ неба и земли»? Не стану отвѣчать имъ такъ, какъ отвѣчалъ нѣкогда, сказываютъ, одинъ хитрецъ, отдѣлавшись шуткою отъ трудности непосильнаго вопроса. «Богъ угрожалъ», гласилъ отвѣтъ, «вѣчными муками тѣмъ, которые дерзаютъ испытывать глубины непо-